

XVIII 38/42

Ке

П р а в о с л а в н а я

У р м і я

Русское издание

У Р М І Й С К О Й

П РАВОСЛАВНОЙ МИССИИ

Адресъ редакціи
Джюльфа (Эрив. г.)
черезъ Россійское
Императорское
вице - консульство
въ Урміи Русской
Православной Ду-
ховной Миссии.

ВЪ ПЕРСИИ.

„Православная Урмія“

высылается за 2 р.
въ годъ (въ Персии 1
туманъ). Редакціи
газетъ и журна-
ловъ благоволятъ въ
обмѣнъ присылать
свои изданія.

Вышелъ 22 Іюня.

№ 5-й.

1912.

Содержаніе: Въ царствѣ католиковъ. (Дневникъ моего пребыванія
въ Салмасѣ въ Сентябрѣ 1911 г.). «Атурайе». Письма миссіонера:
IV. У порога Едема. V. Въ персидскомъ городѣ. Обреченные.

Въ царствѣ католиковъ.

(Дневникъ моего пребыванія въ Салмасѣ въ Сентябрѣ 1911 года).

(Продолженіе.)

6-е Сентября. Ходили на обѣдъ къ нѣкому грузину по-отцу и сирійцу по-матери, долженствующему быть русско-подданнымъ, какъ онъ самъ объяснялъ. Это удивительный типъ: онъ родился въ Салмасѣ, куда забрелъ какъ-то его отецъ изъ Россіи, и поэтому потерялъ русское подданство, т. е. способы доказать его и утвердить. Уже не былъ ли упомянутый грузинъ дезертиръ изъ нашихъ кавказскихъ войскъ, какихъ очень много въ Персіи (какъ нигдѣ)? Убѣгая въ Персію, эти негодные элементы проживаютъ здѣсь совершенно безопасно, ибо ихъ здѣсь никто не можетъ преслѣдовать по отсутствію въ Персіи какой-либо власти; да персы и не заинтересованы въ поимкѣ ихъ, русское же правительство спокойно регистрируетъ ихъ въ числѣ, вѣроятно, пропавшихъ безъ вѣсти (такъ я предполагаю). Въ разговорѣ съ грузино-сирійцемъ мнѣ пришлось открыть новость о походе сирійцевъ: оказывается, они посѣщаютъ и Египетъ (но это только хосровинцы), тамъ они выучиваются говорить по-арабски. Отмѣченный типъ служилъ въ Каирѣ въ отелѣ и очень расхваливалъ египетскую страну. Ужасные проходимцы и даже бродяги есть среди сирійцевъ! хоть на край свѣта готовы идти. Благовременно здѣсь упомянуть, что хосровинцы еще облюбовали себѣ Аргентину въ Южной Америкѣ: тамъ они занимаются полевыми работами. Очевидно, въ Аргентинѣ трудъ оплачивается хорошо, ибо она страна необычайно плодородная и очень много вывозитъ за границу хлѣба.

Вечеромъ въ пять часовъ меня посѣтилъ съ визитомъ губернаторъ, который, по общимъ отзывамъ, принадлежитъ къ сектѣ бабитовъ, признающей нѣкоего Баба за Бога. Секта эта новая въ мусульманствѣ

и несомнѣнно весьма полезная для ослабленія мусульманскаго фанатизма. Ученіе ея въ большинствѣ заимствовано изъ нравственнаго кодекса христіанъ. Мусульмане пока начали показывать расположеніе лишь къ христіанской нравственности, но все еще удаляются отъ христіанскаго догматическаго ученія. Въ этомъ сказывается, конечно, Магометова закваска, ибо онъ тщательно скрылъ и не принялъ ни одного христіанскаго догмата, хотя и зналъ христіанское ученіе. Разумѣется, нельзя ожидать отъ мусульманъ, что-бы они сразу переступили съ еврейскаго единобожія на христіанское совершенное ученіе о Существѣ Божіемъ, даже для евреевъ это явилось камнемъ преткновенія. Но, начавши съ расположенія къ нравственнымъ основамъ христіанства, мусульманство несомнѣнно постепенно перейдетъ и къ христіанской догматикѣ. Съ этой точки зрѣнія бабизмъ есть явленіе очень симпатичное въ мусульманствѣ. Главное его ученіе о братствѣ людей безъ различія вѣръ. По началу своего появленія бабизмъ былъ въ гененіи, основатель его былъ казненъ въ Тавризѣ, но потомъ онъ сталъ терпимой сектой.

Говорятъ, что въ предѣлахъ Россіи въ Асхабадѣ есть много бабитовъ и они тамъ представляютъ совершенно открытое религиозное сообщество. Но возвратимся къ визитеру. Можетъ быть для комплимента, а можетъ быть и искренно, губернаторъ высказывалъ свою радость по поводу прибытія нашего въ Хосрову для распространенія тамъ нашей вѣры; онъ предсказывалъ, что не пройдетъ и года, какъ вся Хосрова станетъ православною. Прежде, по его словамъ, Хосрова лѣтомъ служила мѣстомъ пріятнаго отдохновенія и радости для чужихъ, теперь же вольничаньемъ сирійскихъ

хулигановъ (католиковъ), записавшихся въ армянскую дружину дашнаковъ, она обратилась въ адъ... Я предложилъ ему вопросъ, не можетъ ли онъ привести село къ порядку. Онъ отвѣтилъ, что это легко, но ему мѣшаютъ (пустой отвѣтъ). Армяне, говорилъ онъ, пожаловались на него въ Тавризъ и ему предложено оставить постъ губернатора. Отвѣтъ его крайне удивилъ меня, ибо за два дня до того, когда я видѣлся съ предводителемъ армянъ С., этотъ высказывалъ тоже недовольство на хосровинцевъ и католиковъ за то, что они жаловались на него въ Тавризъ, какъ якобы на зачинщика всѣхъ убійствъ въ Хосровѣ. Тутъ прямо не разберешься: дашнаки жаловались на губернатора или католики на нихъ. И всѣ персидскія дѣла въ сущности представляютъ такую же путаницу,—ихъ надо не разбирать, а разрубать...

Вечеромъ мнѣ донесли, что патеры ходятъ по домамъ и уговариваютъ не переходить въ православіе, при этомъ нѣкоторымъ они обѣщаютъ помощь пшеницей. Принужденные обстоятельствами, въ с. Патавурѣ они согласились выдать спорную сумму приходскихъ денегъ, которую до того времени все задерживалъ у себя ихъ священникъ. Вообще они всячески стараются не допустить перехода въ православіе и готовы на всѣ жертвы для этого. Одинъ же изъ патеровъ оказался настолько лживъ, что началъ говорить о предстоящемъ якобы прибытіи въ Хосрову французскаго лейтенанта съ 50 солдатами. (Хосровинцы, страдая отъ хулигановъ, ждали помощи и защиты отъ русскихъ,—католики распространяютъ слухи въ противовѣсъ этому о французскихъ солдатахъ: Персія обращается въ Марокко!..).

7-е Сентября. Разсчитывая восьмого присоединить жителей с. Улы, несторіанъ, и совершить въ этотъ праздничный день литургію въ ихъ храмѣ, я отправился туда для соглашенія о семъ. Каково же было мое удивленіе, когда священникъ ихъ, раньше высказавшій согласіе, теперь заявилъ, что онъ не можетъ скоро рѣшить вопросъ о своемъ переходѣ въ православіе. Онъ ссылаясь на то, что его очень любитъ Маръ Шимунъ, несторіанскій патріархъ, и англи-

канскіе миссіонеры очень о немъ всегда заботились, почему онъ и опасается, какъ бы его переходъ въ православіе безъ ихъ вѣдома не обидѣлъ ихъ... Въ виду этого онъ написалъ имъ письмо, излагая дѣло, и будетъ ждать отъ нихъ отвѣта. Я прямо не зналъ, что сказать въ отвѣтъ на такія странныя разсужденія.—до того они показались своеобразными даже для меня, привыкшаго болѣе или менѣе къ сирійцамъ и ихъ воззрѣніямъ. Нѣкоторое время я молчалъ. Но потомъ объяснилъ, что каковы бы ни были друзья священника, но врядъ-ли они охотно выразятъ согласіе на осуществленіе его намѣренія, и странно даже обращаться къ нимъ за такими соизволеніями. А когда затѣмъ я далъ намекъ, что дѣло присоединенія села можетъ быть совершено и безъ присоединенія священника, и что онъ тогда останется въ неловкомъ положеніи безъ паствы, то онъ заговорилъ, что храмъ построенъ собственно имъ и пр. Зная сирійскую хитрость, я въ дальнѣйшіе разговоры прежде времени не вступилъ и спокойно оставилъ священника ждать отвѣта изъ Урміи (если только онъ писалъ кому-нибудь). Потомъ одинъ изъ урмійскихъ священниковъ, бывшихъ со мною въ Салмасѣ, по секрету сообщилъ мнѣ, что все дѣло объясняется очень просто: у улинскаго священника остается неполученною часть жалованья отъ англиканской миссіи и онъ опасается принять православіе раньше полученія такового, ибо возможно, что англиканскіе миссіонеры не выдадутъ жалованья, хотя бы и за прошлые мѣсяцы уже православному священнику. Такимъ образомъ, по примѣру всѣхъ сирійцевъ, священникъ желаетъ сначала устроить свои житейскія дѣла, а потомъ уже вступить въ православную церковь. Разчетливый и смѣтливый народъ эти сирійцы,—своего не упустятъ нигдѣ!.. Чрезвычайное смѣшеніе мірскихъ и религіозныхъ цѣлей, при полномъ почти отсутствіи идеализма, есть почти повсюдное явленіе на Востокѣ. Несомнѣнно, что сосѣдство христіанъ съ мусульманами сдѣлало въ этомъ случаѣ свое дѣло, т. е. ослабило, елико возможно, сверхъ-мірскую стіхію христіанства...

Въ домѣ улинскаго священника я встрѣтился съ заслуживающимъ вниманія явленіемъ церковнаго порядка. Сынъ его восемнадцатилѣтній парень, холостой, нѣсколько недѣль назадъ былъ рукоположенъ во діакона къ Улинской же церкви. Это одинъ изъ рѣзкихъ примѣровъ уклоненія несторіанской церкви отъ вселенскихъ основъ. Въ отношеніи женитьбы духовенства вообще несторіанская церковь въ исторіи показала себя безпримѣрно снисходительною, разрѣшая бракъ для діаконъ послѣ рукоположенія и позволяя двоебрачіе (можетъ быть, по мѣстамъ и троебрачіе) для священниковъ (но при обязательномъ все-таки безбрачій епископовъ) и три, даже, какъ говорятъ, четыре брака для мірянъ—это уже въ позднѣйшія времена упадка. Можетъ быть, это есть излишнее плотоугодіе, а можетъ быть вліяніе мусульманства—слишкомъ чувственной религіи. Въ объясненіе того, что діаконъ-сынъ былъ поставленъ служить при одномъ храмѣ съ священникомъ-отцемъ, послѣдній указывалъ очень простую причину, что его діаконъ въ отсутствіи и ему не съ кѣмъ служить литургію (по несторіанскимъ церковнымъ правиламъ безъ діакона священникъ не можетъ совершить ни одного таинства). Діаконъ ктому же у несторіанъ исполняетъ двойную роль нашего діакона-псаломщика; священникъ же не только читаетъ молитвы, произноситъ возгласы, но и выполняетъ чинъ богослуженія (пѣснословія) вмѣстѣ съ діаконъ, нерѣдко антифонно. Теперь скажу о нашихъ догматическихъ бесѣдахъ въ Улѣ.

Село Ула, какъ я сказалъ выше, это единственный пунктъ, гдѣ уцѣлѣли несторіане (остальная часть обратилась въ католичество) и гдѣ видно еще вліяніе пресловутой по своимъ нейтральнымъ тенденціямъ англиканской миссіи. Здѣшній священникъ—воспитанникъ англиканской школы въ Урміи и, кажется, пропитанъ духомъ англиканскихъ миссіонеровъ. По крайней мѣрѣ, онъ въ разговорѣ о третьемъ вселенскомъ соборѣ бросилъ упрекъ св. Кириллу Александрійскому въ томъ, что онъ сначала якобы исповѣдывалъ одно естество во Христѣ и

только впоследствии, примирившись съ Іоанномъ Антиохійскимъ, принялъ ученіе о двухъ естествахъ. Затѣмъ онъ указывалъ на то, что св. Кириллъ открылъ соборъ не дождавшись Іоанна. Я почтенному батюшкѣ выяснилъ, что св. Кириллъ никогда не измѣнялъ своего исповѣданія. Если же онъ и выражался иногда: „исповѣдую единое естество Бога—Слова воплотившагося,“ то это выраженіе имѣло значеніе—„единое лицо,“ въ чемъ въ сущности и былъ споръ. Антиохійцы же заподозривали Кирилла въ монофизитской ереси и, къ сожалѣнію, очень долго относились двусмысленно къ Несторію. Что касается этого послѣдняго, то онъ уже несомнѣнный еретикъ, желавшій всю церковь повернуть на свою новую точку зрѣнія. Примиреніе антиохійцевъ съ Кирилломъ, когда возбужденіе прошло, означало именно конецъ недоразумѣній: та и другая сторона хорошо поняли другъ друга. Теперь Кириллъ понималъ терминологию Іоанна и этотъ уразумѣлъ подлинный смыслъ выраженій Кирилла и идею, которую онъ отстаивалъ („Богъ - Слово воплотился“). Такъ спорный вопросъ былъ исчерпанъ. Но сирійскіе епископы несторіанскаго образа мыслей уже послѣ Іоанна постарались онесторіанить церковь, существовавшую въ предѣлахъ персидскаго государства. Точно также поспѣшность, съ которою дѣйствовалъ Кириллъ и которая нѣкоторыхъ смущаетъ и кажется имъ неправомѣрною, никакъ не можетъ внушать какихъ-либо подозрѣній насчетъ догматической истинности опредѣленій его собора. Поспѣшность проистекала изъ единственнаго побужденія благочестивой ревности, желавшей возможно скорѣе осудить явнаго еретика. Іоаннъ же не показалъ такой ревности: когда ему было донесено о состоявшемся осужденіи Несторія, то онъ вмѣсто того, чтобы присоединиться къ этому суду и подписать опредѣленія собора, какъ сдѣлали легаты римскаго папы, опоздавшіе на соборъ, вмѣсто того онъ сталъ протестовать и вести себя крайне враждебно по отношенію къ Кириллу и наоборотъ крайне снисходительно по отношенію къ осужденному Несторію. Все это, конечно, было дѣло не правды Божіей,

а человѣческихъ страстей, и испорченный ходъ вещей пришелъ въ порядокъ только послѣ примиренія между Кирилломъ и Иоанномъ.

Вечеромъ седьмого состоялось молитвенное собраніе въ Хосровѣ. Собралось всего до 20 человѣкъ. Такъ какъ было уже полчаса седьмого, а народъ въ сумеркахъ боится появляться на улицахъ, опасаясь попасть подъ хулиганско-католическую пулю, то я предъ началомъ службы обратился къ присоединяющимся съ рѣчью. Предметомъ моей рѣчи на этотъ разъ было выяснить обращающимся, что такое католичество, которое они оставляютъ, и что такое православіе. Что-бы показать имъ ложь, которою проникнуть католицизмъ, я прочиталъ имъ изъ ихъ книжки-молитвослова разсужденіе о церкви „грековъ и Фотія“. Тамъ православная вѣра наша именуется не иначе какъ „фотіанское исповѣданіе,“ говорится, что она началась съ Фотія, который былъ простой евнухъ, что онъ низложилъ Игнатія, силою завладѣлъ патріаршимъ престоломъ и былъ осужденъ вселенскимъ соборомъ. Я сказалъ, что православная церковь началась не со вчерашняго дня, что она извѣстна въ исторіи и всѣмъ народамъ не какъ „фотіанская,“ а какъ именно „православная,“ держащая древнюю апостольскую вѣру, что въ этой именно церкви произошли семь вселенскихъ соборовъ, и самъ папа, глава римской церкви, подписался подъ опредѣленіемъ каждаго изъ нихъ; Фотій былъ не евнухъ, а законно рукоположенный патріархъ, человѣкъ высокой мудрости и святой жизни. Но онъ первый повелъ энергичную борьбу съ папой, желавшимъ подчинить себѣ Константинопольскую церковь, и за это обратился въ „евнуха“. Когда папы убѣдились, что эта цѣль для нихъ положительно недостижима и что поперекъ дороги имъ рѣшительно сталъ Фотій, то они его анафематствовали. Они не имѣли права этого дѣлать, ибо восточная церковь не подчинена папѣ и имѣла четырехъ отдѣльных патріарховъ, равныхъ во всемъ папѣ, каждый въ отдѣльности. Отдѣлившись отъ восточной церкви изъ-за споровъ съ Фотіемъ, папы стали вольничать въ предѣлахъ своей

церкви, стали распоряжаться, не справляясь ни съ чьими мнѣніями. Наконецъ, они возмнили себя главою вселенской, т. е. всей Церкви и начали вводить новые догматы...

Кто-нибудь изъ хосровинцевъ, добавилъ я, можетъ быть скажетъ, что папа далеко въ Римѣ, что какое онъ имѣетъ отношеніе къ сему На это я отвѣчаю, что вліяніе папы такъ или иначе достигаетъ и Хосровы и вообще всякаго мѣста, гдѣ есть католики. О догматахъ, правда, не вездѣ разсуждаютъ, особенно католики, но строй и церковные порядки, существующіе въ католической церкви, несомнѣнно открываютъ волю и духъ папы. На это можно привести хорошій примѣръ. Благосостояніе извѣстнаго государства можно узнать не только по главному правителю и въ столицѣ, но и во всякомъ его уголкѣ, ибо строй и порядокъ, исходящіе отъ центральнаго правителя, показываютъ себя на всякомъ мѣстѣ. И благоустроенность государства именно зависитъ отъ того, какая въ немъ высшая власть и въ какихъ условіяхъ она осуществляетъ управленіе народомъ. Точно также и порядки католической церкви созданы ни кѣмъ инымъ, какъ папами, и они, т. е. порядки, гдѣ бы ни были, воплощаютъ въ себѣ папскій духъ. Католическіе клирики—это вѣрные прислужники папы, созданные по его образу и подобию и вездѣ они ни о чемъ такъ не стараются, какъ объ увеличеніи вѣрноподданныхъ сыновъ папы и о возвеличеніи чрезъ это его славы въ мірѣ. Для этого они употребляютъ всякія средства безъ разбора и фанатично ставятъ преграды для обращенія католиковъ въ какое-нибудь другое исповѣданіе. Здѣсь, напр., въ Хосровѣ они теперь пугаютъ народъ армянскими головорѣзами, заключивши съ ними дружественный союзъ, и не позволяютъ записываться въ православіе. Папы испортили церковь и все продолжаютъ работать въ томъ же ложномъ направленіи, никому не довѣряя и ни съ кѣмъ не справляясь, кромѣ какъ съ собственною волею и гордостью, которой нѣтъ конца. Ихъ намѣренія и гордость совершенно противны Христу, поэтому неудивительно, что многіе стали считать папу антихристомъ.

Гордость папская ясна изъ того, что они усвоили себѣ титулъ, который наша церковь прилагаетъ только ко Христу: „Господь нашъ“ по-сирійски „Маранъ“. Православная церковь на первомъ мѣстѣ не ставитъ ученія о патріархахъ, а о томъ, какъ нужно правильно вѣровать во Христа и какъ нужно жить, что-бы обрѣсти спасеніе и вѣчную жизнь.

Мои слова о папѣ, по отзыву слушавшихъ, должны произвести громадное впечатлѣніе въ Хосровѣ, гдѣ до нашего приѣзда папа почитался наравнѣ съ Господомъ Богомъ, и никто никогда не осмѣлился сказать что-нибудь противъ него. Обращаясь къ печальному положенію Хосровы, я

устанавливалъ связь его съ папскою системою: паперы заключили союзъ съ армянскими аскасерами, убиваютъ ихъ руками всякаго, кто осмѣлится дѣйствовать или говорить противъ нихъ. По отзывамъ нашихъ сторонниковъ, салмаскій сирійскій епископъ—предводитель разбойниковъ и большой вообще тиранъ. Вѣрить этому можно легко, ибо католическое духовенство совершенно обіезуитилось, и его высокомерное поведеніе по отношенію къ прихожанамъ возмутительно. Я пояснилъ, что, вступая въ православную церковь, хосровинцы вступаютъ въ церковь кротости и свободы, освобождаясь отъ рабства папѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*Начальникъ Миссіи,
Архимандритъ Сергій.*

«Атурайе.»

(Историческій очеркъ).

(Окончаніе).

II.

Періодъ, въ который Ассирія видѣла вершину своего могущества и свое стремительное паденіе (съ полов. VIII до кон. VII в.), характеризуется все большей и большей потребностью къ военнымъ предпріятіямъ. Кромѣ того, что постоянно открывались соблазнительныя перспективы отпаденія отъ Ассиріи, лишь только являлся малѣйшій предлогъ, довольно часто со стороны Ассиріи просто имѣлось въ виду принудить государство, платящія дань, къ отпаденію, чтобы потомъ присоединить ихъ, какъ провинціи. Самые поборы были такъ велики, что собирать ихъ съ вассальныхъ государствъ можно было только силой. Все это вызывалось тѣмъ, что нужно было доставлять занятія и добычу наемнымъ войскамъ, копыя которыхъ становятся опорой ассирійскаго трона. Съ этихъ поръ „царское“

войско, набранное со всѣхъ странъ и провинцій, является оплотомъ ассирійской власти, повинующимся волѣ царя до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи наградить ихъ платой и добычей, но тотчасъ же отказывающимся отъ повиновенія, лишь только онъ теряетъ эту возможность. Съ этихъ поръ нѣтъ больше ассирійскаго народа, распространяющагося въ своихъ завоеваніяхъ. Господство Ассиріи сводится къ правленію аристократическихъ классовъ (по восточнымъ обычаямъ—расхищенію), а крестьянское населеніе, мало-по-малу обезземелившееся, служило лишь матеріаломъ для политическихъ движеній.

Велѣдствіе коренной перемѣны въ основахъ ассирійскаго могущества, отнынѣ внутренній ходъ ассирійской исторіи представляется рядъ дворцовыхъ переворотовъ.

Управленіе ассирійскимъ „государствомъ“, населеннымъ разнородными элементами, не могло привести ко взаимной сплоченности отдѣльныхъ части. Оно не давало подданнымъ ничего, кромѣ гнета, и послѣдніе относились совершенно равнодушно къ тому, чьимъ именемъ вымогались подати; единственно, что было живо въ нихъ—это желаніе другой власти, порожденное обманчивой надеждой на улучшеніе своего положенія. Правящіе классы такъ же были недалеко отъ соблазна искать собственной выгоды переходомъ къ другому властителю: среди нихъ существовалъ антагонизмъ, порожденный личными привилегіями и вольностями; поэтому образовались придворныя партіи, которыя враждовали между собой изъ-за вліянія. Такимъ образомъ господство трона держалось только однимъ человѣкомъ и его войскомъ. Но если у царя не хватало средствъ содержать свое войско, возникало военное волненіе, которымъ и пользовались всѣ недовольные. Понятно, почему ассирійское царство въ концѣ концовъ дошло до такой степени внутренняго безсилія и оказалось въ безпомощномъ положеніи.

Внѣшнее распространеніе ассирійской монархіи, когда она выступила во всемъ своемъ своеобразіи властительницей западно-азиатскаго древняго міра, и которое сохранилось вплоть до того момента, когда замкнутый кругомъ и заключенный въ своей прежней области Ассуръ не могъ уже грабить и высасывать провинціи,—охватило области отъ подошвы Кавказа и береговъ Каспійскаго моря къ Средиземному морю, въ Аравіи и Египтѣ, и изъ Малой Азіи до Персидскаго залива. Но это господство Ассиріи было чисто политическимъ, доставленнымъ ей силою оружія. Ассирія не развила самостоятельной культуры: во всѣхъ отношеніяхъ она является только придаткомъ древней месопотамско-вавилонской. Тѣмъ менѣе Ассирія могла оказать культурное вліяніе въ своемъ распространеніи за Евфратъ, гдѣ ей пришлось имѣть дѣло съ государствами, которыя по своему населенію и культурѣ, несмотря на все, чѣмъ они были обязаны своей общей матери—древней культурѣ, были своеобраз-

ны, и гдѣ оказывала свое вліяніе другая мало-азиатская культура.

Предпріятыя въ древней Ассиріи самыя солидныя и богатыя результатами раскопки знакомятъ насъ съ такими надписями и памятниками, которые останавливаются на предметахъ лишь достойныхъ царя Ассура. Девять десятыхъ изъ нихъ заняты прославленіемъ походовъ, и только одна десятая говоритъ о сооруженіяхъ царя. Кромѣ этого врядъ ли что-либо знаетъ царь Ассура. Только хорошо развитая техника самаго послѣдняго времени впервые прилагается къ другимъ сюжетамъ; но изображенія вродѣ пирующаго со своей супругой въ саду властелина составляютъ исключенія, теряющіяся среди многочисленныхъ изображеній войнъ: царя, выступающаго на боевой колесницѣ, лагерной жизни, битвъ, преслѣдованія враговъ, взятія городовъ. Каждый походъ изображается отдѣльно, и отдѣльныя сцены поясняются надписями. Рядомъ съ этими сюжетами вступаетъ въ свои права горделивое прославленіе строительства царя; встрѣчаются въ картинахъ выполненное только благодаря усиліямъ громадной массы людей возведеніе террасъ, на которыхъ покоятся дворцы,—поднятіе съ помощью рычаговъ на блокахъ и канатахъ каменныхъ колоссовъ. О домашнемъ же бытѣ по этимъ памятникамъ мы ничего не узнаемъ. Въ Ассиріи предметами, достойными вниманія царя, являются только войско и его подвиги; даже боги отступаютъ на второй планъ, особенно въ болѣе ранній періодъ. Если мы знаемъ какія-либо мелочи изъ быта не-военнаго человѣка, то лишь постольку, поскольку они связаны съ военной жизнью или строительствомъ. До насъ сохранилось нѣсколько жанровыхъ картинокъ изъ лагерной жизни и нѣкоторыя указанія относительно техники и быта рабовъ-строителей, которыя можно найти въ изображеніяхъ строительства. Здѣсь видимъ, напр., какъ передвигались большія тяжести; ряды рабовъ носили землю на спинѣ въ корзинахъ; къ каждымъ 6—7 рабамъ былъ приставленъ погонщикъ, всегда готовый подогнать палкой отставшаго. Если принять во вниманіе, что чужіе наемники

вели ассирійскія войны, плѣнники были строителями, вѣроятно и художники были набираемы изъ всѣхъ странъ, и только одинъ изъ послѣднихъ царей Ассиріи (Ассурбанипаль, который прославился подъ невѣрнымъ именемъ „Сарданпала“) въ своемъ дворцѣ въ Ниневіи составилъ бібліотеку изъ кинообразно исписанныхъ таблицъ, представлявшихъ копіи всѣхъ древнихъ надписей и литературныхъ произведеній Вавилоніи, какія можно было достать (и за это можно простить ему его ассирійское происхожденіе),—то станетъ ясно, что объ ассирійской культурѣ говорить нечего.

Обращая теперь ретроспективный взглядъ на всю исторію Ассиріи, мы не удивимся, что она больше не возставала изъ своихъ развалинъ, къ счастью для науки, такъ какъ мусоръ хорошо сохранилъ обломки, послужившіе памятниками для изученія тѣхъ временъ,—не удивимся и тому, что потомки „ассирійскаго народа,“ о которомъ вообще можно говорить лишь въ самомъ ограниченномъ смыслѣ, едва замѣтны на земномъ шарѣ въ настоящее время.

Судьба Ассиріи уже заранѣе предвозвѣщена была внимательно слѣдившими за событіями исторіи народовъ ветхозавѣтными пророками, рѣчи которыхъ не были только риторическимъ приемомъ нравоучительныхъ проповѣдниковъ. Привести здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ очень умѣстно. Еще пр. Исаія, молитвами котораго въ одну ночь истреблено было 185 т. богохульнаго войска ассирійскаго, державнаго Іерусалимъ въ осадѣ (въ 701 г. до Р. Х., см. Иса. XXXVI, 1—XXXVII, 36 и 4 кн. Цар. XVIII, 13—XIX, 35), выразилъ свое глубокое убѣжденіе о нравственномъ міроуправленіи, проявляющемся въ жизни народовъ: „Горе тебѣ, опустошитель, который не былъ опустошаемъ, и грабитель, котораго не грабили! Когда кончишь опустошеніе, будешь опустошенъ и ты; когда прекратишь грабительство, разграбятъ и тебя (XXXIII, 1).“ Пр. Наумъ около того же времени, почти за столѣтіе, такими мрачными красками рисуетъ гибель Ассиріи: „А о тебѣ, Ассуръ, Господь опредѣлилъ: не будетъ

болѣе сѣмени съ твоимъ именемъ (I, 14).“ „Рѣшено: она будетъ обнажена и отведена въ плѣнъ, и рабыни ея будутъ стонать какъ голуби, ударяя себя въ грудь (II, 7).“ „Расхищайте серебро, расхищайте золото! Нѣтъ конца запасамъ всякой драгоценной утвари. Разграблена, опустошена и разорена она,—и таетъ сердце, колѣна трясутся; у всѣхъ въ чреслахъ сильная боль, и лица у всѣхъ потемнѣли (9—10).“ „Это—за многія блудодѣянія развратницы, пріятной наружности, искусной въ чародѣянніи, которая блудодѣянніями своими продаетъ народы и чарованіями своими—племена. Вотъ Я—на тебя, говоритъ Господь Саваоѣ. И подниму на лицо твое края одежды твоей, и покажу народамъ наготу твоею и царствамъ срамоту твою. И забросаю тебя мерзостями, сдѣлаю тебя презренною и выставлю тебя на позоръ.. И будетъ то, что всякій, увидѣвъ тебя, побѣжитъ отъ тебя и скажетъ: «разорена Ниневія! Кто пожалѣетъ о ней? гдѣ найду я утѣшителей для тебя?» (III, 4—7).“ „Вотъ, и народъ твой—какъ женщины у тебя: врагамъ твоимъ настѣжь отворятся ворота земли твоей, огонь пожретъ запоры твои (13).“ „Купцовъ у тебя стало болѣе, нежели звѣздъ на небѣ; но эта саранча разсѣется и улетитъ. Князья твои—какъ саранча, и военачальники твои—какъ рои мошекъ, которыя во время холода гнѣздятся въ щеляхъ стѣнъ, и когда взойдетъ солнце, то разлетаются,—и не узнаешь мѣста, гдѣ онѣ были. Спятъ пастыри твои, царь Ассирійскій, покоятся вельможи твои; народъ твой разсѣялся по горамъ, и некому собрать его. Нѣтъ врачевства для раны твоей, болѣзненна язва твоя. Всѣ, услышавшіе вѣсть о тебѣ, будутъ рукоплескать о тебѣ; ибо на кого не простиралась безпрестанно злоба твоя (16—19)?“ Пр. Софонія указалъ гибель Ассиріи хотя незадолго до разрушенія Ниневіи, но по смыслу его слова означали окончательный приговоръ: „И простретъ Господь руку Свою на сѣверь—и уничтожитъ Ассура и обратитъ Ниневію въ развалины, въ мѣсто сухое, какъ пустыня. И покоиться будутъ среди нея стада и всякаго рода животныя; пеликанъ и ежъ будутъ ночевать въ рѣзныхъ украшеніяхъ ея..... Вотъ чѣмъ

будеть городъ торжествующій, живущій безпечно, говорящій въ сердцѣ своемъ: «я—и нѣтъ иного кромѣ меня». Какъ онъ сталъ развалиною, логовищемъ для звѣрей! Всякій, проходя мимо него, посвищетъ и махнетъ рукою (II,—15).“

Наслѣдство Ассиріи было подѣлено между Вавилоніей и ея союзницей—Мидіей, которая уничтожила Ассирію: не только Ниневія, но и всѣ города Ассиріи были разрушены и разграблены. Это случилось черезъ 200 лѣтъ послѣ проповѣди пр. Іоны, отдалившей гибель Ниневіи. Ниневія исчезла съ лица земли: среди повднѣйшихъ народовъ самое имя ея было забыто, а мѣстоположеніе ея оставалось неизвѣстнымъ до половины минувшаго столѣтія, когда ее открыли раскопки небольшихъ холмовъ противъ нынѣшняго города Мосула. И только одинъ глубокій, но печальный слѣдъ оставило 700-лѣтнее господство Ассиріи: вся Передняя Азія представляла развалины съ истощенными народами, которые были готовой добычей новаго завоеванія.

Послѣ непродолжительнаго мидійскаго господства Ассирія оказалась во власти персовъ и должна была на себѣ испытать собственную политику управленія покоренными народами. Новое завоеваніе оказалось только чисто политическимъ и отказалось отъ всякаго другого вліянія. На мѣсто владыкъ стараго населенія стало нѣсколько знатныхъ персовъ и во главѣ провинціального управленія два-три персидскихъ чиновника. Во всемъ остальномъ все осталось по-старому. Персидское управленіе, подобное ассирійскому, только истощало страну и могло держаться лишь до появленія извнѣ новаго завоевателя во главѣ свѣжихъ силъ. Такимъ образомъ Ассирія, которая когда-то восприняла культуру въ такое время, когда еще вокругъ лежала ночь варварства, все больше и больше подвергалась запустѣнію. Съ другой стороны, послѣ уничтоженія всякой самостоятельной жизни, она становится ареной вѣчно возобновляющейся борьбы между римской и персидской имперіями и затѣмъ, вслѣдствіе естественныхъ условій въ природѣ страны, кочующихъ племенъ, идущихъ съ войной и разруше-

ніемъ. Но если не всегда Ассирія въ этой зонѣ великихъ завоеваній обречена была всякимъ притязаніямъ, все-же и по временамъ возобновлявшіяся опустошенія и грозно растущія волны народовъ превращали въ дикую степную мѣстность страну, гдѣ раньше гнѣздились богатое населеніе, выросли цвѣтущіе города, и обитатели страны естественно пришли въ состояніе печальнаго упадка во всѣхъ отношеніяхъ, пока не были вынуждены совсѣмъ оставить родной край.

Эта послѣдующая исторія ассиріянъ не осталась совсѣмъ безцвѣтной: христіанство выдвинуло и ихъ на общую работу народовъ... Отсылая въ дальнѣйшемъ читателя къ нашему очерку въ № 1-мъ журнала: „Народъ—затерявшій христіанство“, мы заключимъ здѣсь характеристикой современныхъ ассиріянъ.

Замѣтнѣе характерныя черты ассиріянъ Урміи. Это народъ въ значительной степени бывалый: онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ миссіи стараго и новаго свѣта; многіе жилали въ Европѣ и Америкѣ; въ самой Урміи слѣдствіемъ всего этого явилась обстановка культурныхъ странъ,—интересы и отношенія болѣе сложные, чѣмъ въ Курдистанѣ, гдѣ ассиріяне остаются дичать. На такомъ фонѣ коренныя свойства народной души естественно выступаютъ шире и выразительнѣе.

Историческій грѣхъ ассиріянъ, за который они расплачиваются всей послѣдующей судьбой, обнаруживаетъ присущую имъ алчность. Но если древнихъ ассирійцевъ алчность увлекала на путь воинственныхъ предпріятій, въ современномъ поколѣніи она имѣетъ охотниковъ лишь до легкой наживы. Теперешніе ассиріяне—запуганный, трусливый и беззащитный народъ. Прежняя ихъ „злоба“ питается лишь взаимной непріязнью, и въ этомъ отношеніи они крайне вздорный народъ. Національная, какъ и семейная, связь совершенно ничтожны: одинаково во всѣхъ положеніяхъ они черствы, задорны и непомерно горды. А по алчности—это постоянные кляузники, лжецы, клятвопреступники и нерѣдко убійцы. Ко всему слѣдуетъ прибавить, что нахлынувшія въ Урмію миссіи

внесли религиозную рознь и обострили домашнія ссоры ассириянь: каждый къ своему дѣлу тянетъ миссію, и онѣ столь-же поглощены устроениемъ этой жизни какихъ-нибудь 25-30 т. ассириянь. Но своя сфера слишкомъ ограничена для ненасытной алчности ассириянь, а окружающая недостаточна и даже опасна. И вотъ мужское население съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расплзается изъ Урміи; уже есть селенія, гдѣ буквально однѣ женщины да дѣти, брошенные на произволъ. Обыкновенно охотно идутъ въ Америку, откуда иногда и приносятъ значительныя сбереженія, употребляемыя на устройство здѣсь

своего безпечальнаго существованія: домъ въ городѣ и затѣмъ или праздная жизнь, или ростовщичество. Гораздо интереснѣе хачакогство. Люди съ вывѣтрившимся религиознымъ чувствомъ идутъ всюду, гдѣ живо христіанство, и тамъ кощунственно и святотатственно обираютъ довѣрчивыхъ, послѣ чего для нихъ наступаетъ здѣсь та же безпечальная жизнь...

Вотъ въ кого обратились древніе завоеватели и миссіонеры Востока! И какая черная неблагодарность (чувство обычное у ассириянь) христіанскимъ миссіямъ, которыя ежегодно тратятъ не одну сотню тысячъ рублей на эту горсть упорнаго народа!..

ПИСЬМА МИССІОНЕРА.

IV. У порога Едема.

„Изъ Едема выходила рѣка для орошенія рая; и потомъ раздѣлялась на четыре рѣки. Имя одной Фисонъ: она обтекаетъ всю землю Хавила, ту, гдѣ золото; и золото той земли хорошее; тамъ бдолахъ и камень ониксъ. Имя второй рѣки Гихонъ: она обтекаетъ всю землю Кушъ. Имя третьей рѣки Хиддекель: она протекаетъ предъ Ассирією. Четвертая рѣка Евфратъ (Быт. II, 10-14)“.

Надо полагать, что воды потопа смыли съ лица земли „рай сладости“, совмѣщавшій въ себѣ все, что было прекраснаго въ первозданной природѣ. Но если искать райскую страну Едемъ въ бассейнѣ Тигра и Евфрата, то въ ближайшемъ отношеніи къ ней будетъ прелестный уголокъ по восточному склону горъ Курдистана, замыкаемому Урмійскимъ озеромъ. Тамъ, дальше на востокъ, за этимъ мертвымъ озеромъ съ чрезвычайно соленой водой и голыми скалами, мѣстность рѣзко переходитъ въ пустыню. Какая-то грань замѣтно лежитъ здѣсь. Говорятъ, эта полоса красивѣйшая и богатѣйшая въ Иранѣ...

По мѣрѣ того, какъ горы дальше отхо-

дятъ отъ озера, рѣчныя долины становятся обширнѣе и тянутся прорѣзанныя цѣпью холмовъ поляны. Горизонтъ здѣсь очень ограниченъ. Но картина края, сохраняя общій тонъ, постоянно мѣняется въ подробностяхъ, и глазъ не налюбуется на всю прелесть и богатство растительности. Луга и поля разнообразятся садами; южнѣе чередуются виноградники. Все это окаймлено кустарникомъ, аллеей пышныхъ ветелъ, высятся громадныя вѣсковые чинары, карагачи, платаны, пирамидальные тополи, орѣховыя деревья. За этой лиственной стѣной скрылись и неприглядныя глиняныя постройки восточныхъ селеній. Узкою сѣрою лентою по ковру сочной травы и зеленому полю тянется пыльная дорога, но и она скоро теряется въ высокомъ кустарникѣ, въ аллеѣ деревьевъ. Вотъ впереди громадный горный кряжъ, и картина мѣняется быстро и рѣзко. Окрестность мертва: ее не оживляютъ ни изумрудная зелень съ журчащими ручейками, ни птицы своимъ щебетаніемъ, ни насѣкомыя своею своеобразною трескотнею,

изрѣдка только слышится оригинальное кудактанье, не то чирикание горныхъ курочекъ, которыхъ, очевидно, никто здѣсь не трогаетъ. Но съ высоты открывается видъ внизъ на громадное разстояніе; на высотахъ нѣтъ той густоты воздуха, которая смягчаетъ и часто даже совсѣмъ ступевываетъ рѣзкость очертаній и яркость красокъ, и оттуда картина цвѣтущей мѣстности представляется необыкновенно прозрачной. Грандіозны уступы, которыми горный кряжъ опускается въ долину; кругомъ по сторонамъ спуска изъ пропасти поднимаются скалы то тупыя, то чрезвычайно острыя. Каждый поворотъ въ этихъ мѣстахъ открываетъ глазамъ новыя своеобразныя картины то необыкновенно красивыя, ласкающія глазъ, то дикія и угрюмыя, подавляющія воображеніе. Восхитительна картина озера, открывающагося съ этихъ высотъ! Оно лежитъ между темными горами. Пустынные острова и голыя скалы воздымаются на его ярко-зеленой поверхности. Все это придаетъ чрезвычайно своеобразный характеръ пейзажамъ края...

Спитъ озеро въ своемъ глубокомъ оврагѣ. Черныя тѣни легли по нему, отбрасываемыя хребтомъ зубчатыхъ прибрежныхъ горъ, изъ-за которыхъ постепенно подымается ярко-свѣтлая луна. Ея мягкій серебристый свѣтъ придаетъ ослѣпительную бѣлизну водяной поверхности. Черными гигантскими массами съ рѣзкими суровыми очертаніями охватили горизонтъ сосѣдніе горные кряжи, и ихъ мрачныя обнаженныя вершины хмуро глядятъ на освѣщенные словно днемъ поляны. Есть что-то чарующее и въ то же время грозное во всей этой картинѣ... Луна уходитъ съ горизонта, контуры горныхъ кряжей сливаются, озеро темнѣетъ, вся картина тускнѣетъ, и только мириады звѣздъ, нависшихъ съ неба и мигающихъ тысячами чудныхъ отблесковъ, излучиваютъ свой легкій свѣтъ на всю окрестность, и вся она кажется словно залитой таинственнымъ прозрачнымъ туманомъ. Въ горныхъ мѣстахъ свѣтъ луны въ малой мѣрѣ замѣняется свѣтомъ звѣздъ; здѣсь звѣзды не только блестятъ, но и свѣтятъ. Такого ярко-го блеска звѣздъ мы никогда не видимъ въ

Европѣ, какъ здѣсь на большихъ высотахъ сквозь слой очень сухого и разрѣженнаго воздуха. Въ Европѣ вообще, даже на большихъ высотахъ, сравнительно больше влаги въ воздухѣ, а потому и звѣзды кажутся менѣе крупными и яркими.

Среди этой природы, въ тишинѣ ли ночи, или въ ярко залитый солнцемъ день, мысль сосредоточивается, работаетъ сильнее и въ просыпающейся памяти ясно и отчетливо возстаютъ образы прошлаго. Предъ моимъ умственнымъ взоромъ выступаютъ шумные города съ ихъ бойкой нервной жизнью, съ ихъ незамѣтно убѣгающими днями и годами, гдѣ все слилось въ радость торжествующихъ и горе побѣжденныхъ. Какъ хорошо отдохнуть здѣсь отъ всего этого! Здѣсь нѣтъ ни сутолоки, ни суеты, ни злобы дня; нѣтъ твоихъ „ближнихъ“, отравляющихъ тебѣ и минуту существованія. Здѣсь, среди этой гордой природы, развивается чувство разумной спокойной увѣренности въ своихъ силахъ, неослабной энергіи и той самостоятельности, за которой нѣтъ надутаго чванства или уязвленнаго самолюбія...

Солнце еще не въ зенитѣ, но его лучи словно тончайшія иглы проникаютъ сквозь легкое платье и жгутъ немилосердно. Но даже когда оно близится къ закату, его лучи, почти параллельные горизонту, проникаютъ въ поры кожи и производятъ въ лицѣ жгучій невыносимый зудъ. Полдень. Въ долинѣ нагрѣтый солнцемъ влажный воздухъ образуетъ прозрачно-сизую дымку, сквозь которую виднѣются и сосѣдніе холмы и неясныя очертанія дальнихъ зубчатыхъ хребтовъ. Земля и трава пахнутъ. Повсюду разлита подавляющая нѣга: лѣнь одолеваетъ окончательно; еле плетешься и въ истомѣ скорѣе падаешь, чѣмъ садишься въ тѣни у ствола громаднаго дерева. А укрывшись отъ солнца, уже чувствуешь прохладу: свободно и легко дышать, здѣсь не бываетъ духоты. Еще солнце видно изъ-за ближнихъ горъ, но сразу чувствуется такая свѣжесть, что начинаешь пожиматься. Чувствуется и сравнительная близость озера. Вечернѣетъ. Оранжево-золотистымъ свѣтомъ блестятъ базальтовыя скалы на

вершинахъ хребтовъ, межъ тѣмъ какъ внизу прозрачныя сумерки быстро окутываютъ долину; онѣ такъ же быстро сгущаются, и ночь наступаетъ почти безъ промежутка...

Не смотря на конецъ іюня, на нѣкоторыхъ вершинахъ замѣтно еще присутствіе снѣга, главнымъ образомъ въ рывинахъ и оврагахъ, и его бѣлыя полосы рѣзко выдѣляется среди яркой зелени. Снѣговья горы даютъ жизнь землѣ: изъ-подъ нихъ по всѣмъ направленіямъ бѣгутъ внизъ маленькіе студеныя прозрачныя ручьи и съ легкимъ шумомъ скатываются по крутому косогору. Далеко внизу на протяженіи десятковъ верстъ люди жадно перехватили эти струи даримой имъ прозрачной ледяной воды и напоили ими землю. Вотъ отчето здѣсь постоянно разлитъ ароматъ просыпающейся зелени. Нѣкоторыя деревья еще только теперь расцвѣтаютъ. Зацвѣтутъ и поздней осенью розы и низкорослые кустарники. Картина осени напоминаетъ собою полный разгаръ лѣта въ средней полосѣ Россіи съ тою лишь разницею, что здѣсь лѣто мягче нашего, а растительность безъ сравненія богаче и разнообразнѣе... Медленно застилаются бѣлымъ покровомъ окружающія горы. Ярко блеститъ на солнцѣ снѣговая линія кругомъ, а внутри все та же богатая ласкающая зелень подъ величественнымъ куполомъ нѣжно-голубого неба...

V. Въ персидскомъ городѣ.

Въ плодородной и хорошо воздѣланной равнинѣ на западъ отъ Урмійскаго озера въ разстояніи 18 верстъ лежитъ городъ Урмія, весь утопающій въ зелени своихъ садовъ и виноградниковъ.

Въ общемъ этомъ городѣ, какъ и прочіе персидскіе города, носитъ извѣстный шаблонный характеръ: тотъ же ровъ и высокія глинобитныя стѣны вокругъ города, тѣ же высокія городскія ворота въ нѣсколькихъ мѣстахъ, тѣ же пыльныя узкія улицы. Но съ точки зрѣнія европейца здѣсь что ни шагъ, то нѣчто невысказанное. Начнемъ съ частныхъ и не будемъ отмѣчать исключенія.

Дома здѣсь, большею частью высокіе,

прежде всего удивляютъ васъ полуаршинными ступенями лѣстницъ и невозможнымъ расположеніемъ комнатъ, при крайне маломъ ихъ количествѣ. Плоская, покрытая довольно толстымъ слоемъ глины, крыша лежитъ на тонкихъ тополевыхъ балкахъ; между слоемъ глины и балками помѣщается толстая камышевая циновка, которая и служитъ украшеніемъ потолка. Во время дождя черезъ крышу, словно сѣвозъ рѣшето, льются потоки грязной воды. Когда циновка прорывается отъ ветхости въ томъ или другомъ мѣстѣ, въ комнату сыплется всякій мусоръ, а иногда, въ видѣ сюрприза, падаетъ вмѣстѣ съ мусоромъ скорпіонъ или фаланга. Необходимо добавить, что тополевыя балки недолго выдерживаютъ: осенняя и зимняя сырость, а также черви уничтожаютъ ихъ быстро, и далеко не рѣдкость, что въ домѣ проваливаются потолки. Полы во всѣхъ комнатахъ застланы, но отъ этого приличія не много выигрываетъ чистота: глиняные, известковые или кирпичные полы пылятъ и вся пыль собирается въ циновки или ковры. Правда, обитатели у себя дома ходятъ въ носкахъ и чулкахъ, туфли всегда стоятъ у порога комнаты и надѣваются лишь тогда, когда приходится пройти черезъ переднюю или же черезъ дворъ, но здѣсь пыль отовсюду, начиная съ самыхъ построекъ: можно смѣло утверждать, что каждый чисто восточный домъ состоитъ только изъ оконъ и дверей.

Если изъ этого описанія кто-либо пожелалъ бы вывести заключеніе, что каждый прохожій можетъ наблюдать всю внутреннюю обстановку и даже домашній бытъ восточныхъ жителей, то онъ разочаруется: дома здѣсь строятъ всегда посреди сада или двора и окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ высокими глинобитными стѣнами. Каждый обнесенный стѣною дворъ почти всегда имѣетъ два дома: одинъ впереди и другой сзади. Улица же представляетъ собою узкій отвратительный коридоръ съ высокими грязными стѣнами по обѣимъ сторонамъ. Здѣсь персидскій городъ подавляетъ свѣжаго человѣка своимъ своеобразнымъ противнымъ запахомъ, свойственнымъ только Востоку, и однообразнымъ, унылымъ

видомъ. Надъ узкими кривыми улицами вѣчно виситъ прозрачное облако пыли, подымаемой безконечно движущимися караванами. Невыразимый шумъ и звонъ персидскихъ бубенцовъ и колокольчиковъ, величиною отъ обыкновеннаго орѣха до небольшого ведра, нацѣпленныхъ на сбруѣ, по бокамъ и на шеяхъ животныхъ, наполняетъ воздухъ непрерывнымъ гуломъ минорнаго тона. Но трудно себѣ представить что-либо грязнѣе и отвратительнѣе той части города, гдѣ базаръ.

Нѣсколько громаднѣхъ зданій, развѣтвляющихся полутемными узкими коридорами, соединенныхъ между собою такъ же коридорами и узенькими переулочками; въ серединѣ нѣсколько незастроенныхъ площадокъ и затѣмъ всюду, гдѣ есть свободный клочекъ мѣста, пристройки и пристройки безъ всякаго плана, какъ и гдѣ попало,—словомъ, весь этотъ лабиринтъ есть базаръ. Съ первыхъ же шаговъ базаръ оглушитъ и ошеломитъ васъ. Въ то время, какъ съ разныхъ сторонъ несутся трескъ и гулъ отъ сотни непрерывно работающихъ молотковъ слесарей и кузнецовъ, крикъ и гамъ продавцовъ шашлыка, плова, жареныхъ на вертелѣ помидоровъ и тому подобныхъ прелестей перебивается рѣзкими выкриками бѣгущихъ съ громадными рѣшетами на головахъ разнощиковъ очищенныхъ орѣховъ, халвы, изюма, фисташекъ и т. д.; каждый старается во что бы то ни стало перекричать своего конкурента и жестикуляціей восхваляетъ небывалыя качества своего товара. Галдящая толпа толкаетъ васъ и нужно постоянно сторониться, чтобы пропустить то караванъ осликовъ, навьюченныхъ дровами, кирпичемъ, травой и пр., то всадниковъ на лошадяхъ и мулахъ, съ криками «хабарда» (берегись). Здѣсь толпятся и женщины, и дѣти и нищія; здѣсь поютъ и разговариваютъ во всю глотку; словомъ получается впечатлѣніе, отъ котораго съ непривычки легко обалдѣть. Сравнительно тишиной отличаются отдѣленія купцовъ, торгующихъ табакомъ, коврами, посудой, галантерейными издѣліями, ювелирными и всякой мануфактурой. Но въ шорныхъ, бакалейныхъ и въ рядахъ

пекарей крикъ и гамъ положительно нетерпимы. Громадная толпа, толкающаяся по базару, и караваны поднимаютъ пыль, обжорный рядъ чадитъ пригорѣлымъ бараньимъ жиромъ, а слесаря, кузнецы и пекаря распространяютъ удушливый дымъ своихъ печей и горновъ. Преимущественно вонью и грязью отличается сапожный рядъ. Необходимо тоже принять во вниманіе, что въ стѣнахъ базара мусульмане совершаютъ свои троекратныя омовенія, варятъ пищу и всѣ помои и отбросы выливаются тутъ же. Полчаса пребыванія среди такой обстановки, въ горячемъ, спертomъ воздухѣ, густомъ отъ пыли и отдающемъ всѣми нечистотами, производитъ тошноту и головную боль.

Единственно что ласкаетъ глазъ въ персидскомъ городѣ—это дворъ. Въ большинствѣ и особенно въ Урміи дворъ представляетъ собою заботливо содержимый садикъ. Къ этимъ оазисамъ проведена вода изъ самыхъ отдаленныхъ горъ. Маленькіе каналы холодной прозрачной воды быстро текутъ по бокамъ улицъ: они то ныряютъ подъ землю, то опять появляются наружу. Чуть ли не каждая капля воды здѣсь очень разумно утилизируется населеніемъ; человекъ сумѣлъ направить работу этихъ сердито ворчащихъ ручейковъ и оживилъ ими свою землю, гдѣ очень быстро появляется богатая растительность. Нужно вообще замѣтить, что здѣсь нѣтъ природныхъ лѣсовъ и вся растительность искусственно насажденная. Виноградныя лозы тянутся къ окнамъ; вишня, черешня, фруктовыя деревья посрединѣ садика; кругомъ высокіе платаны, тополи; дорожки вымощены плитнякомъ; лилипутъ-ручеекъ струится по краю ихъ. Иногда дворы-садики такъ изящно обставлены, что невольно начинаешь любоваться ими, заглядывая въ каждыя открытыя ворота. Особенно оживлена растительностью европейская часть города Урміи, за городской стѣной, гдѣ широко размѣстились миссіи. Но здѣсь и улицы широкія съ аллеями ветель, и дома съ окнами наружу, а все азіатское пріятно отсутствуетъ.

ОБРЕЧЕННЫЕ.

Урмія никогда не видала такого оживленія, которое царитъ здѣсь съ приходомъ русскихъ. Замиравшій съ вечерней зарей, какъ только прокричатъ на мечетяхъ моэззины, городъ теперь долго въ сумеркахъ свѣтится огнями; на крышахъ и во дворахъ слышится гомонъ, а въ районѣ расположенія русскаго отряда улицы кишатъ рѣзвящимися дѣтьми и гуляющими взрослыми; и только когда прозвучатъ военные рожки на молитву, замолкнутъ послѣдніе звуки ея, опустѣетъ всюду. Въ нѣкоторые дни, когда гремитъ военный оркестръ, выползаетъ наружу все 50-60 тысячное населеніе...

Жадно бросились, въ расчетѣ поживиться русскими деньгами, кто за торговлю, кто за постройку домовъ и квартиръ. Открылся базаръ всякихъ прелестей Востока и сомнительныхъ древностей. Пронырливые туземцы-христіане и торгаши персы-мусульмане, всѣ одинаково спѣшатъ использовать, кто какъ можетъ, выпавшій случай наживы...

Только тревога и иная забота на сердцѣ у тѣхъ, кому суждено вынести здѣсь нашу персидскую неволю. Кругомъ враги. Грабители-курды терпятъ убытки отъ нашей охраны. Угнетенный персидскій народъ чувствуетъ и, можетъ быть, сознаетъ наше доброе участіе въ улучшеніи его соціальной и политической жизни, но зато никто ума не приложитъ, да и не умѣетъ, и не желаетъ приложить, чтобы отстать отъ своихъ руководителей—муллъ и муштаидовъ, которые ведутъ его, конечно, въ сторону отъ Россіи.

Христіанское населеніе убѣжитъ отъ насъ, если только не сумѣетъ провести свою лояльность. На сто верстъ отброшенъ урмійскій охранный отрядъ, а на этомъ протяженіи восемь турецкихъ охранныхъ постовъ и за ними въ трехъ пунктахъ резервы. Турки на флангѣ и въ тылу, съ другой стороны озеро, по пути командующія высоты, мѣстами въ разстояніи лишь двухъ верстъ отъ озера. Вотъ положеніе для будущихъ смѣлчачковъ-богатырей, если тревожные здѣсь слухи о войнѣ съ Турціей оправдаются.

Но и безъ того возможность столкновения и нападенія все опредѣленнѣе обрисовывается. Усиливается персидское кровопусканіе (Ардебиль), задираютъ и турки. Для иллюстраціи достаточно событій текущаго мѣсяца.

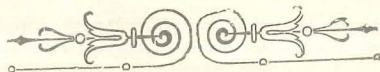
5-го іюня турецкій консулъ послалъ 40 аскеровъ съ офицеромъ въ христіанское селеніе Чарбашъ (пригородное), и они, войдя скрыто въ селеніе, произвели выстрѣлы въ воздухъ, побили человѣкъ 10 жителей, а 4-хъ арестовали и, всю дорогу нанося имъ побои, заключили при турецкомъ консульствѣ. Эта расправа послѣдовала по жалобѣ курда, который былъ долженъ двумъ жителямъ селенія около 200 рублей, но уже нѣсколько лѣтъ упорно не хотѣлъ платить долга, почему у него были отняты ими лошади съ товарами и ружье.—Турецкимъ консуломъ недавно былъ купленъ участокъ земли недалеко отъ городскихъ воротъ, построены домъ для аскеровъ и поднятъ турецкій флагъ. Пользуясь этимъ, консулъ поставилъ караулъ у городскихъ воротъ и

приказалъ солдатамъ не пропускать въ городъ вооруженныхъ (здѣсь всѣ вооружены) христіанъ. Нѣсколько дней аскеры ловили только вооруженныхъ христіанъ, отбирали у нихъ ружья, подвергая при этомъ побоямъ.

Г. Урмія вѣ занята турками полоса. Вотъ уже полгода здѣсь стоитъ русскій охранный отрядъ. Но все это нимало не стѣсняетъ турокъ. Весь инцидентъ вызванъ личнымъ распоряженіемъ на мѣстѣ... Такъ обыкновенно объясняютъ турки свои выступления здѣсь и... такъ дѣйствуютъ. Каждый разъ инцидентъ легко улаживается: фактъ признанъ и ему дано соотвѣтствующее объясненіе, самовольный турокъ или получилъ внушеніе или смѣщенъ. Нѣсколько такихъ инцидентовъ, и оказывается, что у турокъ и офицеръ, и каймакамъ (начальникъ) и консулъ ведутъ здѣсь политику на свой страхъ и рискъ (?). А русскія войска являются статистами. Ихъ пѣсенъ, въ которыхъ они вспоминаютъ свои славныя битвы съ турками, населеніе не понимаетъ, тогда какъ турки открыто унижаютъ ихъ въ глазахъ того же населенія, и оно

правду говорить, что турки ничего не боятся здѣсь, хотя ихъ въ городѣ не больше 100 человекъ. Этого мало. 12-го іюня въ мечетяхъ читались прокламаціи, которыми населеніе призывалось напасть на русскія войска и выгнать ихъ изъ Урміи, какъ это сдѣлали шахсеваны въ Ардебилѣ. Въ окрестностяхъ Урміи уже появилось около 20 фидаевъ Саидъ-уль-Мемалика, прибывшихъ изъ Турціи, и самъ онъ скоро ожидается пососѣдству.

Для насъ, конечно, недоступно пониманіе той реальной пользы, ради которой заброшены сюда русскія войска. Но и въ Россіи едва-ли представляютъ, какую горькую участь можно создать здѣсь нашимъ христіанамъ. Мусульмане теперь говорятъ имъ: когда уйдутъ русскіе, мы сдѣлаемъ изъ васъ котлету,—и эти несчастные уже заявляютъ, что покинуть край вмѣстѣ съ русскими. Въ какой-нибудь комиссіи или на конференціи будетъ такъ или иначе разрѣшенъ урмійскій пограничный вопросъ, а наслѣдство его—мусульманскій вопросъ останется...

Архимандритъ Сергій.

„ПАСТЫРСКАЯ СВИРѢЛЬ.“

Предметы догматическаго и нравственнаго ученія церкви, изложенные въ формѣ проповѣдей.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Вмѣсто предисловія. Пастырское служеніе въ Церкви Христовой. Проповѣди. Размышленія христіанина о тайнѣ рожденія Христа Спасителя. Тайна преображенія Христова на Фаворѣ. Слово о монашествѣ къ новопостриженному иноку. Поученіе въ день новаго года. Рабство грѣху и рабство Христу. Взаимное ношеніе бремени. Храмъ, вмѣстившій Бога. Свое и Христово. Притча о неразумномъ богачѣ. Пѣсня спасенія. О вѣрѣ. Источникъ чести. Слово Христово. Марѳа и Марія. Вѣчная жизнь. Мамона. Преображеніе. Падшій образъ. Слѣдованіе за Христомъ. Благовѣщеніе. Первые христіане. Воперковленіе. Расхищеніе дома сильнаго. Видящіе слѣпцы и невидящіе зрячіе. Міровая борьба. Радость о покаяніи. Вражда человека къ Богу и любовь Бога къ человеку. Христіане. Вознесеніе. Единеніе духа въ союзъ мира. Блаженство богочеловѣка. Христіанская любовь. Мудрость и простота. Сокровище. Свобода. Тщетная вѣра. Старая закваска и новое тѣсто. Духовная глухота. Царство небесное. Недѣля св. апост. Фомы. Плачь любви. Св. Дѣва Марія. Рай. Ложныя дарованія. Страхъ Божій. Христосъ—вѣчный свидѣтель истины. Жизнь въ духѣ. Торжество православія. Погибшая надежда. Предопредѣленіе. 1-23-298 стр.

Цѣна съ пересылкой 1 р. Деньги отъ продажи поступаютъ въ пользу семиклассной школы-пансіона при Урмійской Духовной Миссіи. Складъ изданія (300 экз.) при типографіи Миссіи.

Объ изданіи журнала

П Р А В О С Л А В Н А Я У Р М І Я .

Журналъ Православная Урмія издается съ 1905 года и, какъ органъ русской духовной Миссіи среди сирійцевъ, „имѣетъ задачей утверждать въ православіи членовъ сирійской церкви, знакомить ихъ съ ученіемъ православія черезъ выясненіе основныхъ его догматическихъ и нравственныхъ истинъ, развивать въ нихъ живое церковное сознаніе и тѣмъ способствовать полному и тѣсному сліянію ихъ съ св. Церковью;“ „съ другой же стороны журналъ предназначается въ нѣкоторой степени и для русскаго православнаго общества, чтобы знакомить его съ жизнію Урміиской церкви, ея настоящимъ и прошлымъ и дѣлами Миссіи.“

Юная изъ русскихъ духовныхъ миссій, Православная Урміиская Миссія очень скоро вслѣдъ за возникновеніемъ имѣла возможность создать свой печатный органъ и потому естественно всецѣло обратила вниманіе на церковно-богословскій отдѣлъ программы; мѣстная церковно-общественная жизнь, конечно, захватывала вниманіе Миссіи, но съ ея стороны требовалась достаточная освѣдомленность, прежде чѣмъ знакомить съ сирійской церковію широкій кругъ русскаго православнаго общества. Вотъ почему журналъ Православная Урмія въ первое время далъ нѣсколько статей самаго общаго характера на русскомъ языкѣ, притомъ параллельно съ сирійскимъ текстомъ, и затѣмъ прекратилъ русское изданіе. Теперь же не только своевременно, но и необходимо для журнала Православная Урмія русское изданіе второго отдѣла намѣченной программы. Сирійская церковь, съ любовью принятая въ общеніе Русской церковью, насчитываетъ въ настоящее время до 20 т. нашихъ младшихъ братьевъ по вѣрѣ, и православный русскій человекъ не долженъ оставаться въ невѣдѣніи о судьбѣ тѣхъ, которые духовно связаны съ нимъ и чутко прислушиваются къ біенію великаго русскаго сердца. Если историческая миссія Россіи на Ближнемъ Востокѣ, то общая и непоколебимая здѣсь вѣра въ справедливый и любвеобильный русскій народъ съ особенною силою убѣждаютъ въ этомъ. Тѣмъ болѣе нельзя оставаться безучастнымъ къ насажденію и укрѣпленію началъ православія въ сосѣднемъ съ Русскою Державою краѣ и находящемся въ сферѣ ея политическаго вліянія. И Миссія въ дальнѣйшемъ изданіи своего журнала неуклонно приступитъ къ выполненію предначертанной задачи: приобщая путемъ печати душу и сердце своихъ духовныхъ чадъ къ родному православію,—одновременно и въ читателяхъ св. Руси вызывать участіе къ жизни и быту ихъ далекихъ единовѣрцевъ.

Журналъ Православная Урмія теперь имѣетъ выходить въ двухъ изданіяхъ: 1.) по прежнему одинъ разъ въ мѣсяцъ на сирійскомъ языкѣ и въ этомъ изданіи онъ останется вѣрнымъ первоначальной программѣ: возвѣщать догматическую и историческую правду Православія, какъ путемъ раскрытія положительнаго ученія Церкви, такъ и путемъ разясненія и опроверженія приражающихся заблужденій; защищать правоту русскаго православнаго дѣла отъ непріязненныхъ выходовъ и неблагопріятнаго вліянія окружающей инославной среды, враждебно относящейся къ успѣхамъ нашей миссіи въ этой странѣ; и, наконецъ, давать назидательное чтеніе по обзорѣнію событій обще-міровой жизни: церковныхъ, государственныхъ и политическихъ,—преимущественно же изъ жизни Россіи и Ближняго Востока; 2.) также одинъ разъ въ мѣсяцъ русскимъ изданіемъ, гдѣ дано будетъ возможно полное освѣщеніе мѣстной церковной жизни и жизни общественной, поскольку она соприкасается съ церковною; здѣсь будутъ печататься: I. Публицистическія статьи, посвященныя выдающимся явленіямъ мѣстной церковно-общественной жизни; II. Очерки по исторіи прошлой и современной жизни сирійской церкви, въ которыхъ найдеть свою исторію и Православная Урміиская Миссія. III. Письма миссіонера, рисующія въ географическихъ и этнографическихъ очеркахъ положеніе Миссіи въ краѣ; IV. Извѣстія и замѣтки, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенные отдѣлы.

Редакторъ

П. Начальн. Миссіи, Свщ. Н. Рубинъ.